

ГЛАВА 22. НЕУКРОТИМЫЙ НРАВ И ГОРЬКОЕ ПРЕДВЗЯТЬЕ

Цинь Вань провел на палубе добрую половину ночи. Ледяной ветер пробирал до костей, а рана в груди, казалось, выпила из него все силы — каким бы грозным ни был мастер боевых искусств, плоть его оставалась всего лишь человеческой, а кровь не желала останавливаться по одному лишь велению зажатых акупунктурных точек.

Те Сюань, мечась между ненавистью к самому себе за минутную слабость и отчаянным желанием помочь, поспешил к Янь Наньюю.

Схватка была недолгой, и из-за завываний ночного ветра никто на корабле не заметил, что на палубе едва не оборвалась человеческая жизнь.

Кое-как дотащив Цинь Ваня до каюты, Те Сюань замер перед дверью Янь Наньюя в нерешительности. Изнутри доносились прерывистые звуки, напоминающие нежное кошачье мяуканье, — верный признак того, что хозяин комнаты был занят чем-то весьма личным.

Однако медлить было нельзя. Те Сюань чувствовал, как руки раненого становятся ледяными, губы синеют, а лицо приобретает мертвенную бледность. Ладонный клинок, все еще торчащий из груди, выглядел зловеще; вокруг него на белых одеждах расплылось огромное алое пятно. Те Сюань попытался было взяться за рукоять, но руки его задрожали так сильно, что он в ужасе отпрянул.

Никогда прежде он не считал себя трусом. Мастер Те не раз хвалил его в деревне за смелость и рассудительность: случись в дом заползти змее или ворваться зверю, Те Сюань всегда первым бросался на выручку. Но стоило делу коснуться Цинь Ваня, как вся его уверенность рассыпалась прахом.

Дверь распахнулась. Из каюты донеслось холодное фырканье. Янь Наньюю обернулся и бросил через плечо:

— Я скоро вернусь.

Янь Цин, укрывшись одеялом с головой, проворчал приглушенно:

— Можешь не возвращаться вовсе.

Те Сюань сгорал от стыда, поминутно утирая пот со лба рукавом. Янь Наньюю, не обращая внимания на колкость своего спутника, мягко улыбнулся парню:

— Что случилось? Куда ты так спешил?

— Брат Янь, умоляю, помоги... спаси его! — пролепетал Те Сюань, не смея поднять глаз.

Янь Наньюй мгновенно перестал улыбаться.

— Не стану.

Те Сюань в отчаянии рухнул на колени. Он боялся говорить громко, чтобы не привлечь лишнего внимания, а потому лишь хрипло шептал, обливаясь слезами:

— Брат Янь, молю тебя! Если не поможешь сейчас... он умрет...

Янь Наньюй уже собирался вернуться в комнату, но, услышав это, остановился.

— Судя по твоему виду, вы только что повздорили. Следы на твоей шее — его рук дело?

Те Сюань помедлил, а затем кивнул:

— Да... Но я ударил его ножом.

Янь Наньюй тяжело вздохнул:

— Это не повод для прощения. Он ведь еще и отравил тебя...

Те Сюаню было горько и стыдно. Ему хотелось вцепиться в подол длинных одежд Янь Наньюя, как когда-то он прижимался к Мастеру Те, и выплеснуть всю ту боль и противоречия, что разрывали его сердце. Но он больше не был ребенком. Янь Нанью напоминал ему наставника, но не был тем самым человеком, что когда-то ласково гладил его по голове. Те Сюань изо всех сил тарачил глаза, боясь, что, стоит ему моргнуть, и слезы хлынут неконтролируемым потоком.

— Он убил столько людей... — выдавил он.

В памяти Те Сюаня теснились имена: Мастер Те, Тысячерукий Будда, Лянь Цинъюнь из школы Эмэй... Сколько невинных душ погубил этот человек! Но Те Сюань не смел произнести это вслух. Он боялся, что, узнав правду, Янь Наньюй окончательно откажется спасти Цинь Ваня. Мысли путались. С одной стороны, он знал, что должен позволить правосудию свершиться и дать Цинь Ваню сгинуть, упокоив души убитых. С другой — он невольно искал оправдания: вдруг у того были веские причины?

В деревне говорили: лицо — зеркало души. В сказках небожители и лисы-оборотни были прекрасны, и сердца их были полны чувств. Даже самого закоренелого злодея можно

наставить на истинный путь, если проявить милосердие. Цинь Вань не мог быть дурным от рождения; пусть он дерзок на язык и совершил немало ошибок, но если дать ему шанс...

К тому же Те Сюань уже отплатил ему ударом на удар. Если Цинь Вань выживет, это станет искуплением прежних обид.

— Брат Янь, — снова взмолился он, — скорее, иначе он точно умрет!

Янь Наньюй долго молчал, прежде чем ответить:

— Не пожалеешь ли ты об этом? Цинь Вань не из тех, кто ценит чужую доброту.

Поняв, что надежда есть, Те Сюань радостно закивал:

— Не пожалею! Я уже ударил его, и если он исправится, я буду только счастлив. Как я могу жалеть?..

Янь Наньюй снова вздохнул, пробормотав:

— Вечная беда искренних сердец — наткаться на ледяное равнодушие...

— Что? — не понял Те Сюань.

— Ничего. Веди меня, пока твой Цинь Вань окончательно не испустил дух.

Те Сюань, дрожа от напряжения, привел лекаря в свою каюту. Янь Наньюй, раз уж взялся за дело, действовал без лишних слов. Он закатал длинные рукава и, сложив пальцы мечом, резкими точными ударами поразил несколько акупунктурных точек вокруг раны. Затем одним движением выдернул ладонный клинок и отбросил его в сторону.

Несмотря на зажатые сосуды, кровь все же брызнула на одеяло. Те Сюань похолодел, глядя на эту жуткую картину. Янь Наньюй осторожно обнажил торс раненого — грудь и живот были залиты багровой жижой.

— Те Сюань, принеси горячей воды, — распорядился Янь Наньюй, прощупывая края раны.

Цинь Вань, пребывавший в полузабытьи, отозвался на его прикосновения лишь тихим стоном. Те Сюань бросился на кухню. Ночью раздобыть кипяток было непросто, но, к счастью, из-за ночного перехода на кухне дежурили люди. После нескольких расспросов парню все же вручили большой кувшин горячей воды.

Когда он вернулся, Цинь Вань уже лежал на кровати в одних нижних штанах. Несмотря на кровавое месиво на груди, кожа на его плечах и руках была чистой, а линии тела — безупречно правильными. Те Сюань на мгновение замер, залюбовавшись.

— Чего стоишь? Обтирай его... — Янь Наньюй усмехнулся, заметив замешательство парня.

— Я?.. — Те Сюань перевел растерянный взгляд с раненого на лекаря.

Янь Наньюй лишь покачал головой и, подойдя к Те Сюаню, легонько щелкнул его по лбу:

— А кто же еще? Мне это делать, что ли? Ты его спасаешь или я?

Те Сюань охнул, прижимая ладонь ко лбу, но на душе у него потеплело. Мастер Те тоже любил так делать, когда сердился на его шалости.

Руки Те Сюаня дрожали, когда он касался тела Цинь Ваня. Смыв грязь и кровь, он с удивлением заметил на бледной коже старые шрамы — едва различимые белесые полосы.

Янь Наньюй подошел ближе и внимательно осмотрел их.

— Похоже на следы от ударов палкой. Видимо, жизнь его не всегда была столь безоблачной.

В сердце Те Сюаня окончательно укрепилась вера в то, что у Цинь Ваня были свои причины стать тем, кем он стал. Когда с очисткой было покончено, Янь Наньюй достал из-за пояса изящный нефритовый флакон и щедро посыпал рану белым порошком.

Едва снадобье коснулось плоти, раздалось жуткое шипение, словно мясо бросили на раскаленную сковороду. Цинь Вань от резкой боли распахнул глаза и вскрикнул.

Янь Наньюй равнодушно бросил флакон на кровать рядом с ним:

— Раз в день. Перевязывай чистой тканью. За месяц затянется.

Цинь Вань лишь плотно сжал губы, явно не собираясь благодарить своего спасителя. Лекарь не стал с ним спорить и обернулся к Те Сюаню:

— Будь с ним осторожен. Я запечатал его внутреннюю силу — пока рана не заживет, он не сможет причинить тебе вреда.

Цинь Вань вспыхнул от гнева и уже открыл рот, чтобы разразиться проклятиями, но Те Сюань быстро шагнул к кровати и, словно невзначай, накрыл его рот ладонью.

— Брат Янь, иди отдыхай, — мягко сказал он.

Янь Наньюй кивнул и вышел, плотно притворив за собой дверь. В комнате воцарилась тишина.

Те Сюань пытался собраться с мыслями, чтобы объясниться, как вдруг почувствовал резкую боль в ладони. Цинь Вань, не имея сил говорить, просто укусил его.

— Ай! — Те Сюань отдернул руку и принялся на нее дуть.

— Так тебе и надо, — прохрипел Цинь Вань со злорадством. Голос его был слаб, каждое слово давалось с трудом. Глядя на его мучения, Те Сюань невольно почувствовал жалость, которая тут же столкнулась с жгучей ненавистью при мысли о погибшем наставнике.

Цинь Вань, не дождавшись ответа, попытался приподняться. Ладонный клинок Мастера Те был коротким и не ушел глубоко, но мастерство кузнеца было столь велико, что сама аура клинка повредила внутренние органы. Цинь Вань зашипел от боли и зашелся в кашле. Холод ночного ветра уже превратился в лихорадку: его лицо начало гореть.

Те Сюань бросился его поддерживать:

— Полежи здесь хотя бы ночь.

— Ты же хотел убить меня, — процедил Цинь Вань, глядя на него с нескрываемым презрением.
— Зачем теперь спасаешь? Не жди от меня благодарности...

— Не нужна мне твоя благодарность, — огрызнулся Те Сюань. — Просто начни вести себя как человек, ради памяти своих родителей.

Цинь Вань замер. Он помрачнел еще сильнее.

— Мои родители давно мертвы. Ты специально решил меня позлить?

Те Сюань тут же сник.

— Прости... я не знал.

Цинь Вань посмотрел на него с искренним недоумением. Неужели этот дурак забыл, что перед ним враг? Он спасает его, извиняется перед ним...

— Пообещай, что больше не будешь творить зло, и мы снова станем братьями, — решительно произнес Те Сюань, сжав кулаки.

Цинь Вань долго молчал, а затем разразился хриплым смехом. Смех отозвался в груди острой болью; на лбу выступил холодный пот, и он невольно схватился за рану.

— Цинь Вань!.. — Те Сюань испуганно помог ему лечь и принялся лихорадочно рвать край своей нижней рубахи на бинты.

— Не нужно меня спасать, — выдохнул наконец Цинь Вань. — Я не хочу быть тебе должным.

— Перестань, — расстроился Те Сюань. — Да, я ранил тебя, но ведь ты первый совершил ошибку...

— Те Сюань. — Цинь Вань прервал его, собрав остатки сил. — Я никогда не пожалею о том, что сделал. Никогда. Если я останусь жив, я продолжу жить так, как жил раньше, и ты меня не остановишь.

— Но Цинь Вань... — Те Сюань чувствовал, как в нем умирает последняя надежда. — Творящий зло плохо кончает. Еще не поздно измениться.

— А мертвые могут ожить? — внезапно спросил Цинь Вань.

Те Сюань замер, не понимая, к чему он клонит.

— Нет...

Цинь Вань горько усмехнулся:

— А ты сможешь забыть, что это я убил твоего наставника?

Дыхание Те Сюаня перехватило.

—... Нет.

Цинь Вань отвел взгляд от его лица и уставился в потолок каюты.

— Вот именно. Сделанного не воротишь, и я не боюсь в этом признаться. Так что избавь меня от своего фальшивого великодушия и прощения.

— Но я искренне... — Те Сюань хотел сказать, что правда готов простить его, но слова застряли в горле. Он не знал, как возразить, и лишь чувствовал, как по спине струится холодный пот.

— Успех полководца строится на костях десяти тысяч павших... — Цинь Вань скорчил такую гримасу, что Те Сюаню захотелось бежать. — Кем бы ты ни был, даже если ты спас мне жизнь... если ты встанешь у меня на пути, я уничтожу тебя так же, как и всех остальных.

<http://bllate.org/book/17419/1658822>